

Дарья Кузнецова

Змееловов больше нет

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Дарья Кузнецова
Змееловов больше нет

«АЛЬФА-КНИГА»

2020

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Кузнецова Д. А.

Змееловов больше нет / Д. А. Кузнецова — «АЛЬФА-КНИГА»,
2020

ISBN 978-5-9922-3147-2

Великий Змеелов мертв, орден повержен, мир оправляется от безумия гражданской войны. Наступившая зима заботливо укрывает землю снегом, пряча кровь и пепел, знаменуя начало новой жизни. Новую жизнь пытается начать и Норика Неро, старший офицер ордена, которую месть и ненависть к бывшим учителям привела на сторону их врага. Молодой король предложил ей возглавить школу, где получают приют выжившие змееныши. Норика мечтает найти успокоение в помощи детям, которых когда-то спасла. Но, может быть, эта зима не только избавит от кошмаров, но принесет что-то еще? Счастье, на которое уже не смела надеяться. И любовь, которая, казалось, давно умерла.

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3147-2

© Кузнецова Д. А., 2020

© АЛЬФА-КНИГА, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дарья Кузнецова

Змееловов больше нет

Пролог

Над площадью плыл навязчивый, густой запах гари и паленой плоти. Он стелился в неподвижном, стылом воздухе даже тепер, когда костры уже прогорели и тянулись вверх серыми тонкими дымками. С неба падал тяжелый редкий снег, похожий на хлопья пепла. Слякоть оттепели, разогнавшая по домам самых упорных зевак, не несла свежести и не скрадывала запах, а даже как будто усиливала. Словно змеиная сырость радовалась недавней казни.

Я хорошо ее понимала. С самого начала простояла в первом ряду, прямо за оцеплением. Слушала улюлюканье толпы, ругань и проклятья, которыми щедро осыпали друг друга приговоренные и зеваки, а потом – недолго – крики боли с помоста. Сквозь дым смотрела, как корчатся в огне знакомые лица, стараясь запечатлеть в памяти каждое мгновение. И в груди ширилось, росло чувство громадного облегчения. Словно там, у закопченных каменных столбов, очистительное пламя съедало не только горстку недавно очень важных людей, но все мои сомнения, страхи, тяжелые мысли и само прошлое.

Старого коршуна больше нет, подумать только. Нет его, нет правой и левой руки, нет многих, очень многих чудовищ, которые давно не вызывали у меня никаких чувств, кроме омерзения, а у разошедшихся зевак – страха и ненависти. Сейчас я жалела только об одном: что нет возможности повторить казнь, еще раз остро и пронзительно ощутить полученную свободу. Не мной полученную – нашим многострадальным миром.

Король был абсолютно прав. Смерть на костре – лучший финал для этих мразей, другого они не заслужили. Нельзя марать о подобных благородную сталь, нельзя осквернять их кровью городскую брусчатку. Только огонь; они ведь так его любили...

– Госпожа змеелов! – вывел меня из оцепенения звонкий голос.

Это был совсем еще мальчишка – тонкий, восторженный. Форма королевской стражи почти висела на шуплых плечах, но эту неловкость компенсировал горящий гордостью взгляд. Наверное, всего пара дней как приняли, пока доверяют только дела «подай-принеси», но мальчишеского счастья это не умаляет.

– Госпожа змеелов! – окликнул он меня снова, протянул руку, но коснуться плеча не решился.

– Змееловов больше нет. – Голос прозвучал резко и сипло, и страж растерялся, явно с трудом поборол порыв отпрянуть. – Что случилось? – откашлявшись, добавила я уже мягче.

– За вами послали, его величество желает видеть, – ответил мальчишка с трепетом в голосе.

Короля в страже не просто любили – его боготворили. Да и в народе пока тоже, что не могло не радовать.

Я кивнула и двинулась вслед за гонцом через площадь к дворцу, отделенному узкой полосой почерневшего парка, укутанного мокрым и грязным снежным одеялом. Начало зимы здесь, в Релке, всегда до отвращения сырое и промозглое, а вот к середине погода разгуляется, и станет чище.

На этом унылом фоне дворец казался особенно нарядным. Огромное, величественное многоярусное строение, серебристо-серое под алыми крутыми скатами бесчисленных крыш, напоминающих крылья бабочки-огневки. Его так и называли при постройке – «Тысяча Бабочек».

В последние десятилетия за резиденцией закрепилось другое имя – «Огненный Кулак», на который здание тоже походило. На огромную боевую перчатку, шипы которой щедро залиты кровью или увенчаны застывшим пламенем. Но сейчас верилось, что бабочки вернуться.

В конце концов, змееловов действительно больше нет. И, наверное, что-то должно измениться к лучшему!

Глава 1

Солнце за облаками

Внутри дворец походил на пещеру – гулкую, серую, сырую. Казалось бы, сырость и пещеры – это вотчина Долгой Змеи, а тем, кто прославляет Создателя, больше по статусу сухой теплый воздух. Но сюда, под прикрытие каменных стен, словно пробралась поздняя осень и осталась навсегда.

Говорят, раньше, до того как это место облюбовал Великий Змеелов, под крышей Тысячи Бабочек было иначе. Звучал смех, пестрели яркие наряды, спешили слуги, в цветных витражах множились солнечные блики. Потом витражи выщвели, пожухли обои, и даже круглый год пляшущий в бесчисленных зевах каминов огонь не мог справиться с сыростью, а слуги – с пылью и плесенью, затянувшими стены. Слово здание по воле Змеи как могло мстило старику, страдающему артритом и ревматизмом.

Сейчас дворец как будто замер в напряженном ожидании. Принюхивался черными дырами каминов, прислушивался потемневшими полотнищами стен. Ждал. Он тоже пока еще не верил в перемены, он привык к сырости и холоду.

Однако жизнь внутри продолжалась. С парадной лестницы уже сняли темно-красный, цвета запекшейся крови ковер, и пара хмурых мужчин драила серые ступени. Сквозь тлен и плесень проступал белый мрамор. Надолго ли? Змееловы пытались бороться с этой дрянью, но всех усилий хватало на пару дней. А потом перестали, плюнули и предпочитали не замечать кислого запаха гнили, пропитавшего дворец.

В галерее на втором этаже гулял ветер. И хотя на улице вроде бы царила не меньшая сырость, внутри от запаха мокрого снега становилось свежее и... чище. Распахнутые витражи тоже пытались отмыть, и тоже, как и на лестнице, это пока удавалось.

Королевские слуги старательно будили дворец, и я искренне надеялась, что у них получится. Было бы хорошо взглянуть на него потом – такой, каким его изображали в старых книгах. Живой, цветной, дышащий.

Под свой кабинет его величество временно определил комнату, которую раньше занимал дворцовый распорядитель – тогда, когда эта должность еще существовала.

А помещения, которые полагались монарху по статусу... Когда Змееловы обосновались во дворце, их предводитель занял королевские покои. И они пустовали с тех пор, как там похозяйничала стража, прощупав каждый сантиметр стен и изучив каждый обрывок бумаги. Я хорошо понимала его величество, брезгавшего жить там, где все пропахло старым коршуном.

По обе стороны от двери стояли личные стражи короля. Ладные, невысокие мужчины в черном с неприметными лицами. От них потянуло стужей, когда они прожгли меня пристальными взглядами. Орден Отрицающих. Жуткие типы: они полностью амагичны, рядом с ними перестают действовать любые чары, причем только по их желанию. Корона издавна использовала Отрицающих для охоты на самых сильных и опасных магов. Великий Змеелов тоже пытался перетянуть их на свою сторону, но орден отказался, храня верность первой присяге. И им за это ничего не было: с Отрицающими даже старый коршун не рискнул ссориться.

– Светлого вечера, ваше величество, – поклонилась я, войдя в кабинет. Приемной тут не предполагалось, поэтому стол для секретаря приткнули в углу у двери. – Вы желали меня видеть?

– Здравствуй, Норика. – Король устало улыбнулся из-за бумаг. – Да, проходи, садись. Я... ничего не нарушил?

– Нет, я увидела все, что хотела, благодарю. Они... хорошо горели. – Улыбка механически, против воли растянула губы, и его величество смущенно кашлянул в ответ.

Иногда кажется, что он считает меня сумасшедшей. Порой не вызывает сомнений, что это действительно так.

– Хорошо. Я хотел поговорить с тобой о будущем. Ты не задумывалась, чем заняться дальше?

– Имеете в виду, кроме поисков? – уточнила я. – Нет, не думала.

– Я так и предполагал и позволю себе кое-что предложить. Ты согласна выслушать? – спросил, кажется, с искренним беспокойством. Когда я кивнула, заговорил чуть более оживленно: – Позволь, я зайду несколько издалека, чтобы описать всю картину. Как ты знаешь, змееловы очень старательно работали над общественным мнением, пытаясь привить повсеместную ненависть к змеям. Многое у них получилось, и, несмотря на то, что народ устал от междоусобицы и поддержал уничтожение ордена, отношение... напряженное. Создатель знает сколько пройдет времени, прежде чем удастся навести порядок. Но ненависть к змеям – это только одна из проблем. Вторая состоит в том, что очень многие знания оказались утрачены или по меньшей мере забыты. Магия змеев – другая, и если на уровне самоконтроля и управления силой все одинаково, то тонкостей люди не знают. При этом сами змеи никуда не делись. Юные и необученные.

– Ваше величество, вы зашли слишком издалека. Может, ближе к сути? – не выдержала я.

– Да, прости, – немного смутился он. – Если сразу к главному, то речь идет о школе. Такой, где могли бы учиться одновременно и дети, и змееныши. Как было раньше. Пока, впрочем, почти одни змеи, сироты или беспризорники... В общем, я бы хотел попросить тебя возглавить эту школу, ты неплохо управляешься с молодежью.

– Ваше величество, я управлялась с орденскими курсантами, это ведь почти армия! К тому же я плохой организатор...

– Как раз то, что надо, – уверенно отмахнулся король. – Хороший хозяйственник там будет, от тебя нужны общее руководство, безопасность, дисциплина. Устав, простые и понятные для всех правила – это лучшее начало для таких детей. Они не привыкли к нежностям и просто не поверят, если обращаться с ними как-то иначе. А здесь все легко и понятно: что запрещено, что разрешено, и все абсолютно одинаково для всех. Кроме того, там будут и... твои.

Орлен бил наверняка, последним уточнением он купил меня с потрохами.

Под «моими» подразумевались змееныши, которых я прятала от собратьев по ордену. Собственно, именно с одного из таких подростков начался мой путь туда, где я сейчас находилась: я не исполнила приказ, просто не смогла. Не убила, скрыла это от Великого Змеелова, постаралась спрятать того мальчишку. Их было много потом, этих детей. Для меня – много, в масштабах мира – капля... Но закономерным итогом того маленького протеста стал большой бунт. Жалость к змеенышам вылилась в предательство ордена. Тайная поддержка короля, шпионаж в его пользу и, наконец, почти без боя сданный дворец вместе с Великим Змееловом и его ближайшими соратниками.

– И чему я смогу научить их, ваше величество? – все же постаралась я мыслить здраво. – Я тоже человек и тоже ничего не знаю об их магии.

– Змеи не сгинули совсем, бесследно. Некоторое их количество сумело... найти укрытие, – огорошил меня король. – Они согласились помочь и прислать нескольких учителей.

– Как вы их уговорили? – вырвалось у меня.

– Это в их интересах, они тоже хотят вернуться домой, к нормальной жизни. Для переговоров в Релку придет целая делегация, а эта школа – наш первый шаг друг другу навстречу.

– Но я же должна буду находиться там постоянно и не смогу...

– Я сделаю все возможное, – серьезно, веско ответил Орлен. – Если есть шанс его найти, если он до сих пор жив – я его найду и приведу к тебе, сразу. Без подвоха и шантажа. Слово короля.

– Спасибо, – только и сумела выдавить я. Глубоко вздохнула, будто собираясь нырнуть в холодную воду, и попыталась улыбнуться. – Тогда у меня нет никаких причин отказываться. Готова служить моему королю и дальше. А где, кстати, разместится школа?

– Поместье Стрелолоист, – не сдержал веселой, мальчишеской улыбки его величество. – То самое.

– Это символично, – у меня вырвался нервный смешок. – А...

– Там как раз закончили уборку, вывезли лишнее и вот-вот должны приготовить все для детей. А еще там хорошая охранка. Я очень надеюсь, что она не пригодится и никто не попытается навредить детям, но подстраховаться нелишне. Ты же, насколько помню, хорошо знаешь сторожевые чары змееловов?

– Разберусь, – отмахнулась оптимистично. – Я правильно понимаю, что отбыть на место стоит как можно скорее?

– У тебя есть пара дней на сборы и подготовку, пока закончат с ремонтом. Можно приехать и раньше, но это будет неудобно всем – и тебе, и тем, кто сейчас там работает. Держи. – Он придвинул по столу пухлую папку и пояснил: – Это все материалы, какие мы смогли подготовить. Полный довоенный учебный план, конечно, не отыскали, но... Это все, что есть. Разумеется, только скелет, вы вольны менять его так, как считаете нужным, – ты, остальные учителя. Вас пока будет пятеро, трое – змеи. Учеников пока двадцать шесть, возраст и состояние разное. Большинство – с недавно проснувшимся даром, змееловы не успели с ними разобраться. Тех, кого забрали из семей, мы попытаемся вернуть, а эти приютские, возвращаться им некуда. Главное, они почти ничего не знают о своей силе, хотя кое-кто инстинктивно научился маскировке. Материалы по детям уже в поместье, туда же должны прибыть твои коллеги и остальные служащие. Все – проверенные и надежные. Поезжай, Норика. Тебе это тоже будет на пользу. Там теплее и в это время года гораздо уютнее.

– Благодарю, ваше величество. Постараюсь... оправдать доверие, – ответила я и поднялась.

По привычке щелкнула каблуками, коротко поклонилась и вышла, зажимая под мышкой пухлую папку. Стрелолоист находится на юго-восточном побережье. Телепортом быстро, а вот червем добираться туда как раз почти двое суток. Собраться успею за полчаса, оставаться дольше в столице – нет смысла, вот и ознакомлюсь с документами по дороге. Если смогу сосредоточиться.

Это поместье прежде принадлежало Великому Змеелову. Тогда, когда он еще не примерил на себя это звание и роль вершителя судеб, а звался Яребом Ворином, был талантливым алхимиком и носил баронский титул. Родовое гнездо. Потом оно номинально считалось собственностью ордена, хотя, конечно, посторонних туда не пускали. Только хозяин изредка приезжал отдохнуть от столичной суеты и погреть старые кости.

Понимание, что именно там будут учиться змееныши, поднимало настроение почти так же, как сама смерть Великого Змеелова.

Нет, не змееныши – дети, школа же смешанная. Ведь раньше именно так собирательно называли всех, независимо от расы. На «змеенышей» никто не обижался, конечно, но обычно под словами «дети» и «люди» подразумевались обе расы. Никому просто в голову не приходило искать в этом оскорбление. Никому – до основания ордена Змееловов.

Пока я шла через дворец к выходу, поняла, что с намерением выехать прямо сейчас поспешила. Это же не на несколько дней рабочая поездка, а надолго, легче считать – навсегда. Недалеко от поместья есть небольшой приморский городишко – не то Столбы, не то Столы, – поэтому с покупкой чего-то важного и неотложного проблем быть не должно, но это уже на крайний случай. Лучше бы сразу собраться основательно.

В первую очередь, конечно, купить одежду. У меня ведь почти ничего нет, кроме формы змееловов. До сих пор это не доставляло неудобств, потому что сначала я носила ее по праву и

долгу службы, а последнюю пару дней было вообще не до бытовых мелочей. Что там одежда – я даже не могла вспомнить, когда и что последний раз ела! А вот сейчас, шагая через площадь и ловя на себе напряженные, испуганные, подобострастные, а порой и ненавидящие взгляды, вдруг осознала простую истину: очень плохая идея – являться в форме мертвого ордена в школу, где предстоит учить юных змеенышей. Не нужно мозолить им глаза лишним напоминанием о пережитых ужасах.

На улицах столицы ощущалось настороженное ожидание. Опасения, сомнение, тревога. Мир изменился, жизнь изменилась, но люди пока боялись в это поверить. А некоторые, может, и не хотели – из тех, кому при Великом Змеелове жилось привольно и сладко. Их наверняка терзал страх скорой расправы. Впрочем, если они неглупы, то уже успели убраться подальше от столицы.

Снег кончился, а когда я дошла до конца площади, через небольшую прореху в тучах неожиданно проглянуло солнце. Вызолотило серый камень, заиграло бликами в ледяной каше под ногами и на ключьях снега на подоконниках и ветках деревьев, раскрасило теплыми тонами бледные, осунувшиеся лица прохожих.

На короткое мгновение появилось чувство, будто я вынырнула из смрадного болота. Густая чавкающая зелень вдруг расступилась и выплонула наверх. Легкие до боли расширились, наполняясь воздухом, и накатило шальное, огромное, повергающее в смятение своей остротой чувство: я жива. Жива! Сожри меня Долгая Змея, я все еще хожу, говорю, и время мое еще не закончилось! И мысли о том, что в этой жизни ничего не осталось, не стоят пыли под ногами, потому что главное – вот оно. Я жива, я чувствую, я дышу, а все прочее – мелочи.

Солнце скрылось, улицы Релки опять окутали серый сумрак и белая пелена снега. Но идти было по-прежнему легко, словно оставленный за спиной дворец Тысячи Бабочек забрал часть тяжести с моих плеч, впитал, укрепив ею свой фундамент и стены.

Странная ассоциация.

В любом случае в сторону каморки, которую снимала в одном из домов соседнего квартала, я двинулась с воодушевлением, которое впервые за долгое время породила не жажда мести.

Ордену Змееловов, помимо занятого ими дворца, принадлежало несколько особняков и доходных домов в городе, поэтому большинство моих бывших... коллег не задумывалось о вопросах жилья. В своем прежнем статусе я могла претендовать даже на покои во дворце, но постоянное общество змееловов угнетало, и съемное жилье оказалось лучшим выходом из положения. Тепло, сухо, есть горячая вода и теплая постель – а больше ничего и не нужно.

О расставании с этим временным прибежищем я не жалела. Не стану скучать и о Релке, мне всю жизнь претили тесные лабиринты ее улиц и налепленные друг на друга дома старого города. В предместьях просторнее, но когда я в них бывала! За последние годы ни разу не выбиралась из столицы, вся жизнь – от каморки до орденской учебки и обратно, если не считать регулярных визитов в резиденцию ордена.

Я вообще сейчас ни о чем не жалела и чувствовала себя удивительно свободной. Странное, наверняка временное ощущение. Но сейчас я слышала, как рвутся цепи, казалось намертво сковавшие меня с Релкой, и – наслаждалась.

Сво-бо-да. Сложное слово. Пугает с непривычки.

Истинная причина, по которой король постарался скорее меня спровадить под благовидным предлогом, тоже не задевала. Больше того, вызывала одобрение.

Орлен – умный правитель. Ему еще нет тридцати, но он уже дальновиден, умеренно циничен и лишен наивных идеалов. Да, моя помощь, мое предательство оказались кстати, и его величество благодарен за это. Но никто не станет чествовать предателя как героя, я сыграла свою роль и больше не нужна. Даже почти опасна, потому что могу послужить клином между ним и настоящими, идейными соратниками. Для них я – недобиток, тот самый предавший

однажды, который обязательно предаст вновь. Так зачем мозолить глаза, рисковать и провоцировать на решительные поступки тех, кто перерезал всю верхушку змееловов? И ради чего?

Нет, король выбрал лучший из возможных вариантов, я была готова искренне его поблагодарить. Это ведь даже не ссылка, а действительно важное, ответственное поручение, которое пойдет на пользу всем сторонам. Изящное и остроумное решение сразу нескольких проблем – и моих, и лично королевских, и государственных.

Да и оплатили мне эту работу более чем достойно, и речь не о деньгах. Королевское слово стоит гораздо дороже, и возможностей у него куда больше, чем было у меня даже в лучшие дни на взлете карьеры в ордене. Поэтому стоит оставить поиски профессионалам, а самой исполнить вассальный долг.

Съемная комната встретила сухой тишиной, легким запахом пыли и сумраком старой норы. Я пустила искру силы в хрустальную сферу светильника под потолком, и по стенам и полу расплескался теплый уютный свет. Несложная и повсеместно распространенная штука – запертый в стекле огонь. Но я способна лишь пробудить его импульсом магии, как любой другой обыватель, а создают подобные вещи артефакторы.

Пыльный чемодан выполз из-под кровати неохотно, словно за время покоя успел прорасти в доски пола или уж как минимум – присох. Окинув его взглядом, я решительно распахнула треугольное окно, впустила в комнату ветер и задала ему направление. Сквозняк пронзительно просвистел в петлях и замках чемодана и вынес грязную серую тучку на улицу, заодно прихватив пыль из-под кровати и шкафа.

Змеелову в звании ястреба, боевому магу немного стыдно в этом признаваться, но такие мелкие бытовые заклинания всегда меня особенно очаровывали. В них куда больше волшебства, чем в стелющемся по земле ревущем пламени или других, даже самых грозных, боевых чарах. Святотатство, но, кажется мне, Создатель на заре времен наводил порядок в юном мире именно такими вот бытовыми чарами, потому что жизнь в любом новом доме начинается с уборки строительного мусора.

На дно чемодана легла завернутая в лоскут пара коротких мечей в ножнах – парадная часть формы, традиция, дань которой я последний раз отдавала пару лет назад. Тоже напоминание о змееловах, но бросать их было жаль, уж очень хороша работа кузнеца, поэтому решила оставить как сувенир. Сменная обувь, теплый плащ, несколько сорочек, пара старых, невесть откуда взявшихся платьев – я даже сомневалась, что влезу в них, но мерить все равно не стала. Несколько книг и потертых тетрадей, а больше у меня ничего не было.

На вешалках в скрипучем дощатом шкафу осталось несколько комплектов ржавой, с золотым шитьем формы – такой же, какая была сейчас на мне. Высокие сапоги, черные узкие штаны с галуном вдоль внешних швов и китель с вышитым на груди и спине ястребом, держащим в когтях змею.

Несколько секунд я смотрела на эти вещи, а потом без сожалений сорвала с вешалок, свалила кучей на пол и отправила в грудку одежды стусток пламени. Подумав, стащила китель с себя и добавила его к небольшому костру. Пожара не боялась: не просто так ведь я считалась одним из лучших боевых магов ордена – что-то умела, поэтому огонь никогда не вырвется за отведенные ему границы.

Все еще гуляющий по комнате сквозняк приятно охлаждал спину сквозь тонкую ткань блузки и клубами выталкивал на улицу густой дым. Стало еще немного легче.

Такими темпами я, глядишь, доберусь до Стрелюлиста уже совсем другим человеком.

Когда огонь догорел, все, с чем он не справился – золу и оплавленные куски металла, – я аккуратно собрала в мусорное ведро.

Подумав, перед выходом все-таки вынула из чемодана длинный, подбитый мехом плащ и накинула на плечи. Холод огненному магу не страшен, но штаны у меня есть только форменные, а так их проще всего спрятать. Они, конечно, не настолько бросаются в глаза, как китель,

но зачем рисковать? А вот менять сапоги я не собиралась. Привычные, отличного качества, без опознавательных знаков – какой смысл искать замену?

Поход по магазинам занял неожиданно много времени, несмотря на скромный список необходимого. Я не приняла в расчет, что уже давно не занималась покупками, довольствуясь тем, что давал орден, и плохо представляла, где можно достать все нужные вещи. Пришлось поискать лавки, да и там я долго не могла определиться: а что вообще хочу?

Наверное, провозилась бы и дольше, но в третьем по счету месте меня взяла в оборот бойкая особа с хитрым лисьим взглядом, которая ответила на этот вопрос и на десяток других, которые я сама и не сообразила бы задать. Расстались мы вполне довольные друг другом: я – с ворохом новых вещей, девушка – с хорошей выручкой.

Между делом успела завернуть на городской вокзал, ознакомиться с расписанием и взять билет на ночного червя как раз до нужного города, который все-таки оказался Столбами.

В итоге с окончания сборов до момента посадки у меня оставалось почти три часа, которые я решила провести на вокзале. Перекусила в местном кафе, весьма недурном, и устроилась в зале ожидания на неожиданно удобной жесткой деревянной скамье со спинкой, развернув газету. Букв, правда, не видела, отрешенно наблюдая поверх листа за вокзальной суетой.

Жизнь продолжалась. Здесь, где сходятся разные дороги, это ощущалось особенно отчетливо. Несмотря на броские заголовки газет, несмотря на катящиеся по стране перемены, люди продолжали куда-то спешить. Шумно радовались встрече, со слезами расставались, тараторили напутствия, суетливо озирались и порой даже пробегали мимо, пыхтя под грузом вещей. Под гулким куполом просторного зала звучный голос – низкий женский или высокий мужской – объявлял об отправлении, прибытии, изменениях в расписании.

Оглашая пространство хлопаньем крыльев, от стены к стене перелетала стая вокзальных серо-зеленых голубей – бесплатные посылные, которых даже кормить не приходилось, пищу они добывали себе сами. Особая порода, они чувствительны к магии и питаются отчасти ее обрывками. При необходимости можно было подзвать птицу легким магическим импульсом, доступным любому взрослому человеку, и отправить с письмом куда-нибудь недалеко, в черте города. Например, попросить прислать забытые документы или еще какую мелочь.

В метре от меня проществовало степенное семейство – солидный отец, круглая мать с задранном носом и трое детей. Две хорошеньких девочки постарше и серьезный мальчик лет десяти. Я проводила его взглядом, привычно пытаюсь угадать – кем он окажется через пару лет, когда с взрослением придет сила? Человек это или змееныш?

Мальчишка, кажется, ощутил слишком пристальный взгляд. Обернулся. Издалека почудилось, что глаза блеснули желтым, но я отвернулась и не стала дольше нервировать ребенка. Даже если я угадала, у него есть время, чтобы король успел навести относительный порядок. Надеюсь, через пару лет, даже если мальчик окажется змеенышем, над ним не нависнет угроза смерти, от него не станут шарахаться как от чумного бывшие друзья или даже родные.

Змеев всегда рождалось немного меньше, где-то два к трем в пропорции к людям. Как с этим обстояло сейчас, я не знала. Великий Змеелов каждый раз твердил, что гадов все меньше, что скоро удастся вытравить скверну, гнилое семя из человеческого рода. Но я давно перестала ему верить, а взять точные цифры было негде, никто не вел подсчетов.

Понять, змей или человек вырастет из ребенка, невозможно: один корень, одна кровь. Только боги, сообща творившие мир и его обитателей, знают, почему кто-то так и остается ходить на двух ногах и ведает огнем и ветром, а кто-то – обретает второй облик и управляется с землей и водой. Так было всегда, так остается поныне, несмотря на то что змееловы потратили уйму сил и времени на эксперименты и поиски ответов, пытаюсь найти способ выявления змеенышей еще в зародыше или вовсе – научиться предотвращать их появление.

Подробностей я не знала и никогда не интересовалась ходом экспериментов. Только малодушно радовалась, что я боевой маг, а не ученый, и не имела касательства к этим иссле-

дованиям: слишком хорошо знала методы и жестокость ордена. И с облегчением принимала отсутствие каких-то значимых подвижек, о которых непременно объявили бы всем.

Наверное, не просто так старый коршун столь высоко ставил это исследование, потому что именно его неудача в конечном итоге уничтожила почти четверть века царствования Великого Змеелова. Можно бояться змеев издалека, можно ненавидеть, можно кидать камни в пойманных «гадов»: человечье стадо жестоко. Но далеко не каждый сумеет отдать своего ребенка палачам. Даже не младенца – уже почти взрослого сына или дочь. Может быть, единственное дитя. И чаша терпения переполнилась.

Сейчас, оглядываясь назад и вспоминая истоки этого безумия, этой самоубийственной слепой резни, многие задавали себе вопрос: как такое получилось? Почему братья, сестры, родители и дети вдруг стали чужими друг другу? Всеобщее умопомрачение, массовая истерия – иначе не скажешь.

Все началось со страшного мора. Зеленая гниль выползла из Чумных болот – мертвых земель далеко на западе, вблизи которых селились неохотнее всего и только самые отчаявшиеся, пропащие.

За считанные дни эпидемия докатилась до столицы. Оборвались порталные связи с соседними мирами, мы оказались заперты наедине со страшной, мучительной смертью. С болезнью, сжиравшей людей за несколько дней. Змеев зеленая гниль по какой-то причине щадила, а их целительная магия не могла помочь умирающим, лишь немного облегчала муки.

И вот тогда появились змееловы – на волне ужаса перед смертью, на волне зависти к тем, кому не грозила болезнь. Они обвинили во всем Долгую Змею и ее детей, и семена эти упали в благодатную почву, щедро удобренную смрадными трупами жертв мора. И заживо гниющий мир щедро умылся кровью.

В связи с этим закрытые порталы оказались даже благом. Пожелай кто-то захватить нас, и противиться было бы некому, а вот люди, готовые предать родину ради шанса на безопасность в другом мире, нашлись бы в изобилии. Открыли бы, впустили, да еще и помогли.

Сейчас, с высоты прожитых лет и через призму полученных знаний, я воспринимала подростковые воспоминания о том перевороте совершенно иначе. Тогда было просто страшно, и змееловы, с их хорошими речами и добротой к *человеческим* детям, казались посланниками Спасителя, поэтому в орден я вступила не раздумывая. А теперь – с трудом верила, что Великий Змеелов не приложил руку к тому мору. Нет, это было бы слишком даже для старого коршуна, и на допросе он пел о другом, но все же... Все же поверить в подобное куда проще, чем в совпадение и тот бред, который нес старик.

Но если вдруг вскроется причастность ордена к эпидемии и открытие это станет достоянием общественности, мне останется забиться в какую-нибудь глухую нору и молить богов о легкой смерти. Потому что гражданскую войну рядовым змееловам еще могут простить, а вот если они приложили руку к мору...

Из размышлений меня вырвал бой вокзальных часов, провозгласивших полночь, и почти сразу после них глас с потолка объявил о начале посадки на мой рейс.

В просторной двухместной каюте предстояло провести чуть больше полутора суток. Неприятный серо-зеленый цвет шершавых, чуть теплых и как будто постоянно влажных на ощупь стен в первом классе закрывали плотные гобеленовые драпировки – ненавязчиво-однотонные, темно-золотистые. Две широкие койки через проход, занятый полированным деревянным столом теплого, красновато-коричневого оттенка, наверху – две багажных полки и белая полусфера светильника в середине потолка.

Я подняла край клетчатого пледа, застлавшего мою койку, с удовольствием оценила хрустящую белизну чистого белья. Заметила висящий сбоку от двери большой пушистый халат.

Прекрасные маленькие радости жизни. Неприхотливая в быту, путешествовать я в последние годы предпочитала с комфортом, довольно уже натирать мозоли седлами. Это в

молодости можно было себе позволить, а сейчас я предпочитала никуда не спешить, а если спешить – то только телепортом. Не говоря уже о том, что в комфортабельной каюте гораздо удобнее знакомиться с бумагами.

Вспомнив про них, я достала из чемодана папку и приподнялась на носочках, чтобы затолкать его на верхнюю полку.

– Ух, как мне с соседкой повезло! Хороша! – Одобрительный комментарий сопровождал звучный шлепок по заднице. По моей.

Я настолько оторопела, что в первый момент не отреагировала вовсе. Не то что оплеухой не ответила, даже молнией не ударила, что обычно происходило рефлекторно. Потом резко развернулась на каблуках... и порадовалась собственной заторможенности. Ведь убила бы дурака!

На соседней койке, весело болтая ногами, сидел маленький, сухонький старичок. Он, наверное, и в юности статью не отличался, а сейчас вовсе был мне в лучшем случае по плечо.

– Хороша! – повторил он, восхищенно прицокнув языком и глядя снизу вверх хитрющими, ясными глазами без малейшего признака старческого слабоумия. Сосед задорно улыбался и азартно потирал ладони. – Ну что, будем знакомиться?

– Скажите, вы желаете сойти с этого червя живым? – ровно спросила его.

– Ух, грозная какая! А ты не смотри, что я старенький, я, может, еще о-го-го!

– Я боевой маг, – продолжила тем же тоном, хмуро глядя на попутчика. Того, правда, совсем не понимал тяжелый взгляд, отработанный на курсантах и младших членах ордена. – Я сначала бью, потом разговариваю. Чудо, что сдержалась сейчас!

– Ух! Говорю же, хороша! Люблю женщин в форме! – мечтательно зажмурился он и даже звонко причмокнул. – А так, может, и не худший конец для старика – от руки красотки, а?

Попутчик рассмеялся своей шутке, а я лишь пожалала плечами, села на койку и начала стаскивать сапоги. В любом случае он предупрежден и совесть моя чиста. А если желает сунуть голову Змее в пасть – кто ему запретит! Видимо, пожил достаточно и терять ему нечего.

Не получив ответа, старичок не расстроился и бодро затрещал обо всем на свете. Я мрачно спросила себя, почему не взяла одноместную каюту, и тут же ответила: на этом рейсе таких попросту не было. А добираться с пересадкой или ждать еще почти сутки совершенно не хотелось.

Сбросив сапоги на пол, я устроилась на койке с ногами и погрузилась в изучение выданных королем бумаг. Пока сосед не распускал руки, я вполне могла потерпеть его, причем без особых неудобств.

Расчет оказался верен, и даже не пришлось прибегать к защитным заклинаниям. Стоило немного отвлечься, и я просто перестала воспринимать болтовню попутчика, а тому, кажется, и не требовалась реакция слушателя, хватит и молчания.

Поначалу игнорировать его вот так было неловко. Старый человек, вероятно одинокий, не так уж часто ему доводится поговорить хоть с кем-то! Но я быстро заткнула совесть напоминанием о начале знакомства. Сам виноват: не стал бы распускать руки, я бы наверняка пожалела его и постаралась поддержать светский разговор.

Все-таки репутация змееловов имела свои плюсы: никому бы и в голову не пришло хватать ястреба за задницу, это очень неприятный способ самоубийства. А сейчас... Легкомысленная голубая блуза навывпуск, удлиненный светло-серый жилет с тонким поясом – и кто под всем этим отличит военную выправку от отличной осанки?

Каюта мелко задрожала, по стенам прокатился длинный, протяжный стон – сигнал о погружении. Койка дернулась, заставив меня ухватиться для надежности за стол и придержать второй рукой бумаги на коленях. Пол накренился, тряска усилилась. Сейчас червь полз по спирали вниз, к близким в этом месте водам Океана: именно толщина породы определяла, где можно, а где нельзя строить червячные станции.

Спуск занял немногим больше получаса. Еще один стон другой тональности – и мир вокруг выровнялся, а тряска прекратилась.

Я с минуту прислушивалась к наступившей тишине – не считая болтовни соседа, – и старалась дышать ровно, чтобы унять застучавшее в горле сердце.

В такие моменты всегда не по себе. Жутко думать, что длинное гибкое тело извивается над Бездной, почти прижимаясь спиной к Тверди. А внизу, под ногами и его брюхом, – изначальный безбрежный и бездонный Океан. И живущие в его глубинах древние чудовища, которые вечно парят в толще воды.

Говорят, воды Океана в глубине столь прозрачны, что сквозь них, особенно у края Тверди, можно увидеть блеск чешуи. Глупости, конечно: Долгая Змея для этого слишком далеко, ее даже сквозь толщу воздуха видно очень редко. Вот если немного отплыть от берега, тогда – да, можно увидеть. Но близко все равно не подобраться: вдоль края Мира, там, где лежит в воде ее бесконечное темное тело, удерживая небосвод, вихрятся такие течения и такие ветры – никак не добраться. Говорят, если нырнуть на черве поглубже, можно преодолеть эту преграду, но там свои опасности. Если у кого-то подобное и получилось, он промолчал.

Черви считаются самым надежным транспортом. С ними почти не случается аварий, они прекрасно дрессируются, послушны погонщику, а существа из глубин, которые способны причинить им вред, почти не поднимаются к Тверди. Но все равно страшно, потому что здесь от тебя уже ничего не зависит, и если с червем что-то случится – это смерть.

Раньше погонщиками служили в основном змеи. Потом червей почти не осталось, как и чешуйчатых; насколько я знала, сейчас их работало меньше десятка. Но дефицит не грозил, потому что путешественников тоже стало гораздо меньше: население Мира с прихода зеленой гнили и по сей день сократилось как минимум втрое.

Великий Змеелов утверждал, что остальных червей увели змеи-погонщики, унося в их чревах сородичей, и сетовал на то, что там проклятых гадов не достать. Где – «там», не ответил ни разу. В последние годы я надеялась, что это было именно так. Не представляла, где эти беглецы могли найти прибежище, но – надеялась.

Может, Долгая Змея смилостивилась над своими детьми и дала им прибежище на кончике хвоста? Где-то же прятались змеи-беглецы! Вполне возможно, что именно те беглецы, которые украли червей, и пытались сейчас договориться с королем. Если это на самом деле так, если они выжили... Один червь способен унести полтысячи пассажиров, а их было несколько десятков! Может, не так уж мало змеев уцелело?

Прошла официантка, предлагая всем желающим чай и легкие закуски. Я отказалась, а сосед на некоторое время умолк, шумно хлюпая и дуя в высокую кружку с удобным широким дном. Потом погас общий свет, и некоторое время я читала под небольшим ярким светильником, расположенным в изголовье койки. За это время старик, вздыхая и охая, продолжая болтать, судя по шуршанию, переоделся ко сну и забрался под одеяло.

Некоторое время повисела тишина, а потом...

Тому, что он храпит, я уже не удивилась, как и бормотанию во сне. Но это мелкое неудобство всерьез не беспокоило, хватило накинуть полог тишины – незаменимые чары в дороге.

Ложилась я уже ближе к утру, когда слова начали скакать и расплываться перед глазами, а нос пару раз чуть не уткнулся в листы. Не спать, увы, невозможно, а спать... Я знала, что меня там ждет. От кошмаров уже давно ничто не помогало – ни чары, ни снадобья, ни самоубеждение. Каждый раз оставалось лишь надеяться, что сегодня повезет: все же сны были милосердны и приходили раз в три-четыре дня, не чаще, иначе я давно бы уже окончательно сошла с ума или свела счеты с жизнью.

Впрочем, именно сейчас надежда была очень слабой: слишком насыщенным выдался день.

Днем ранее

Времена каменных застенков, сырых и провонявших кислой кровью пыточных прошли давно. Ушли в прошлое зловещие, безобразного вида конструкции, один облик которых вызывал у неподготовленных людей тошноту. Сейчас допросная больше напоминала больничную палату или, скорее, ту часть морга, где прозекторы проводят свои исследования.

На белом мраморном столе, изрезанном символами и запутанными линиями, напоминающими трещины в камне, сейчас лежал старик. Рубаха из небеленого полотна и такие же портки отчасти скрывали тощие тела, покрытые желто-серой кожей с пигментными пятнами и пучками седых волос. Тщедушное тело порой выгибалось от боли – насколько позволяли держащие его ремни. Когда судорога проходила, на головы окружающих и тех, кого здесь не было, сыпались проклятья.

Четверо, собравшиеся вокруг стола, не обращали внимания на ругань: все ждали.

Роль палача при артефакте исполнял невозмутимый, как глыба льда, мужчина средних лет – подтянутый, обаятельный; когда он улыбнулся мне при знакомстве, на щеках появились трогательные ямочки. Сейчас, правда, он был спокоен и сосредоточен – работал. Сидел в изголовье стола, там, где располагались управляющие пластины, и, подобно композитору, создающему новую пьесу, порой задумчиво касался клавиш в одном ему понятной последовательности.

Король сидел в кресле сбоку от стола, чуть поодаль. Он буравил взглядом основание стола и порой недовольно кривился – происходящее было ему противно. Рядом со столом, следя за ломкой магических и психических барьеров с академическим интересом, стоял молодой энергичный мужчина – Мориц Сенад, занимавший при короле должность начальника службы безопасности. Его любопытство вызывало главным образом время, которое затратит палач на подготовку «материала для допроса».

А напротив него, через стол, стояла я, сцепив за спиной руки. И получала удовольствие.

Было так ново и так приятно видеть Великого Змеелова столь жалким, беспомощным, обреченным. Маленький, трусливый, убогий человек, состоящий почти из одной ненависти, – я даже предположить не могла, откуда ее столько взялось. Хитрый и изворотливый, этого не отнять; безжалостный, с удовольствием ломавший судьбы. Никому не нужный теперь, кроме своих палачей.

– Можно начинать, – через некоторое время разрешил артефактор. И Сенад с предвкушением в глазах открыл свой блокнот с заметками.

Великий Змеелов плевался ядом, но отвечал на вопросы. О приказах и казнях, о грешках своих любимцев и захвате власти. О Создателе, который явился ему во сне незадолго до появления зеленой гнили и назвал его, Ворику, спасителем. О том, как придумал делать из крови змеев лекарство от болезни, как использовал его для манипуляции людьми...

Много чего говорил, заполняя один за другим звуковые кристаллы для архива. Под конец осип и он, и следователь, и даже я была к этому близка, хотя вопросов задавала куда меньше, чем Мориц. О тех вещах, в которых, отлично зная орден изнутри, понимала куда больше сторонних наблюдателей.

Когда кристаллы закончились, пришлось слать одного из ожидавших за дверью людей за новыми.

– Тварь! – прошипел мне Великий Змеелов. Молчать на этом столе сложно, мучительно больно – рвется наружу все то, что прежде было сокрыто. И если не задавать нужных вопросов, объект обычно начинает говорить обо всем, что приходит в голову. – Змеиная подстилка! Надо было сжечь тебя еще тогда, вместе с ублюдком...

– Ты свою возможность упустил, – ответила я, равнодушно пожав плечами. – Теперь я погреюсь у твоего костра.

Провоцировала. Низко, недостойно – издеваться над тем, кто не может ответить, бить лежащего. Но я слишком ненавидела этого человека, чтобы помнить о каком-то благородстве.

Вместо внятного ответа он опять разразился бранью. Кажется, та грязь, которую исторгал Великий Змеелов сейчас, составляла основу его сущности.

– Проклятье, – пробормотал Орлен. – Мориц, в следующий раз будь более предусмотрительным!

– Простите, ваше величество, – развел руками тот. Он тоже, как и я, давно примостился на табуретке. Стоять столько времени почетным караулом у одра старого коршуна – много чести. – У меня никогда допросы не затягивались на шесть часов без перерыва. И, надеюсь, впредь не затянутся!

– Надо было придушить отродье сразу, брюхо тебе вспороть. Зря решил использовать... – прокашлял Великий Змеелов.

Меня словно окатило холодной водой.

– Мой сын... жив? – подалась я вперед, приподнявшись на стуле.

– Сдох уже небось в какой-то канаве, – хрипло расхохотался старик.

– Он родился живым?! Куда ты его дел, падаль?! Говори!

– Норика, прекрати! – рявкнул Мориц, вскакивая. С грохотом упал его стул.

Подоспел со своего места король, сообщая мужчины оттащили меня от Великого Змеелова.

– Ты его прикончишь и тогда точно ничего уже не узнаешь! – пытался воззвать к здравому смыслу Орлен.

– Норика, это будет слишком легкая смерть, не надо!

Меня трясло. Я даже не вспомнила сейчас о магии, хотелось голыми руками разорвать на части дряблкое, высохшее тело, вырвать горло, чтобы только не слышать хриплого издевательского смеха. Я не слышала ничего, кроме этого смеха, и хорошо, что физически мужчины были сильнее: слова их до меня не доходили и никакого воздействия не имели.

Безобразие прекратил палач. Он на несколько секунд оставил свое место, налил воды из графина в стакан и выплеснул мне в лицо.

– Прошу прощения, ваше величество, в вас я попасть не хотел, – флегматично уронил в наступившей тишине мужчина, тихо поставил стакан и вернулся к своему месту.

– Ничего страшного, – кашлянул Орлен, по-простецки утирая брызги с лица рукавом.

– Простите за эту вспышку, – ломким, дрогнувшим голосом проговорила я, следуя королевскому примеру и утираясь рукавами формы. – Я...

– Сядь. Сейчас все выясним. – Мориц кивнул на стул, и я обессиленно на него опустилась. От накотившей слабости подгибались колени.

Вот только ничего больше о моем ребенке Великий Змеелов сказать не мог. В приюте, куда его отдали, случился пожар, и след мальчика, которому тогда было четыре года, оборвался. Его никто особо не искал, не видели смысла: я и так слушалась отлично и не давала повода усомниться в верности ордену. «Сдох – и сдох твой ублюдок!» – хрипло каркал старик.

Но поверить в это снова? О нет, это тогда я была глупой девчонкой, которая не ставила под сомнение слова наставников. А теперь у меня появилась цель в жизни, смысл. Хотя бы на короткое время, пока не выяснится, что...

Нет, вот об этом точно не стоит думать. Не сейчас.

Глава 2

Океан у ног

Мне снился огонь. Старое сухое здание трещало, дым ел глаза и забивал горло. Злое, ревушее пламя клало пастью и отказывалось подчиняться. Вырвавшись из-под контроля, оно бесновалось, стремилось сожрать все, до чего могло дотянуться. Мстило за годы, века рабства.

Горела кожа, горели руки, глаза. Боль выгибала распятое на мраморном столе тело, выжигая кровь и даже душу.

А потом слышные сквозь вой пламени крики и плач утонули в грохоте рухнувших перекрытий. И я проснулась, рывком села на кровати, загнанно дыша. Дрожащей ладонью стерла пот со лба.

От резкого движения истончившийся за ночь полог тишины лопнул, поэтому вежливое «доброе утро, красавица» соседа я услышала и даже ответила чуть хриплым со сна голосом. Не глядя в его сторону, набросила халат поверх длинной свободной сорочки, в которую переоделась перед сном, и отправилась умываться.

К тому моменту, как привезли завтрак, я успела привести себя в порядок в уборной и вернуться посвежевшей. Строгая, точная и расторопная, как хорошо отлаженный механизм, горничная в несколько секунд расставила тарелки, так же механически пожелала приятного аппетита и ушла в следующую каюту, а мы остались вдвоем.

Сосед сегодня был неожиданно, я бы даже сказала, пугающе молчалив. Сосредоточенно жевал омлет, прихлебывая ягодный компот. Глядел в тарелку, изредка косился в мою сторону.

– Плохо? – спросил наконец.

– Почему же? Весьма недурно готовят, – возразила я.

Старичок захихикал в кулак, потом прокашлялся и пояснил:

– Сны. – Сосед кивнул на мою койку. – Могу средство дать. От совести, конечно, не поможет, но спать будешь лучше.

– Оставляя за скобками вопросы совести... Вы действительно думаете, что я возьму какое-то средство у полоумного старика, который при первой встрече схватил меня за задницу? – спросила с легкой растерянностью.

Он опять захихикал.

– А у Язода Самоса?

– Тем более! – ответила без раздумий, чем вызвала еще один приступ веселья.

– Я дурного не думаю, помочь хочу, – попытался он настоять на своем.

– В помощи не нуждаюсь.

– Ишь ты, гордая какая! – Кажется, старый алхимик немного обиделся. – Наказываешь себя?

– Вам не верю, – возразила спокойно. – И не поверю, можете не пытаться.

Он вновь хмыкнул, но умолк, продолжая коситься. Пристальные взгляды раздражали больше болтовни, но недостаточно, чтобы вывести из себя.

Как интересно повернулась жизнь. Мы одинаково верно служили змееловам, потом оба вовремя их предали и теперь бежали на юг – не то от прошлого, не то в надежде на будущее.

– Моя жена была змеей, – задумчиво проговорил Самос. – Я продал душу Ворику в обмен на ее жизнь. Двадцать лет она почти не выходила из дома, чтобы не привлекать внимание. Моя Тинни никогда не говорила об этом, но я чувствовал, она бы предпочла такой жизни смерть. Только меня не хотела обидеть и не могла бросить. Но все равно зачахла. Да.

– Сочувствую вашему горю, – проговорила я. Вполне искренне: неведомую Тинни, которая провела двадцать лет в заключении и постоянном страхе, было жаль.

– Я потому и говорю, что про совесть знаю все. Точно не хочешь зелье?

– Воздержусь.

– Я в Столбы еду, – сменил тему Самос. – Везу Тинни к морю. – Он похлопал себя по груди напротив сердца. – Она по нему больше всего скучала, а раз змееловов больше нет – то и толку от меня немного. Поживу там сколько-то. Если вдруг нужен будет старый алхимик – заходи, гостевой дом «Красная крыша».

– Спасибо за предложение.

Как он догадался, кто я, спрашивать не стала. Среди верхушки ордена было не так много женщин, а Язод Самос был вхож к Великому Змеелову. Где-то там и пересекались. Может, нас даже знакомили, но у меня дурная память на лица.

Алхимия... странная наука. То ли дело артефакторика – все просто, логично, важна каждая закорючка, и расположена она на строго определенном месте. А алхимия почти как кулинария, только на порядок сложнее; я никогда не могла ее понять. Щепотку того, на глаз этого, приправить случайностью, довести до кипения в полнолуние за час до рассвета и пять раз подпрыгнуть на левой ноге. И при точном следовании рецепту у одного получится именно то, на что он рассчитывал, а у другого – слабительное вместо обезболивающего, и это в лучшем случае. Дар к алхимии либо есть, либо нет, и чаще всего именно его наличие определяет стремление к котлам и ретортам. Очень редко алхимиком пытается стать бесталанный в этом деле человек или змей, и ничем хорошим это обычно не заканчивается.

У алхимиков чаще всего очень слабый магический дар. Например, какая-нибудь домохозяйка или пастух из глухой деревни были потенциально сильнее Великого Змеелова. Мне кажется, отчасти поэтому тщеславный барон так ненавидел весь мир: не хотел довольствоваться единственным талантом, мечтал стать лучшим во всем. Изыскивал способ отъема магии и использования ее в личных целях.

Я давно это подозревала, а на допросе только нашла подтверждение: меня он выделил, приблизил и после оставил в живых в первую очередь с этой целью. Чтобы под рукой всегда находился кто-то с незаурядными способностями, кого при необходимости можно пустить под нож. Да и власть над сильными магами очень ему нравилась. А потом, когда исследования провалились, я уже начала приносить пользу.

Сожри Долгая Змея его душу... Не хочу больше думать об этом человеке!

Весь день сосед больше помалкивал, в отличие от вчерашнего. Сказались грустные воспоминания о покойной супруге или он просто выговорился вечером – не знаю, меня одинаково устраивали оба варианта. После завтрака алхимик сидел с какой-то толстенной книгой, порой что-то выписывая в потертый блокнот, а после обеда вовсе ушел, оставив меня до ужина в одиночестве.

Я смутно припомнила, что в описании этого червя упоминались какие-то общие развлечения вроде ресторана и игровых комнат. Кроме того, за день транспорт несколько раз поднимался к поверхности, делая промежуточные остановки и предоставляя возможность желающим размяться.

Одиночество, с одной стороны, принесло облегчение: отпустило напряжение, вызванное близостью постороннего человека, то есть потенциальной опасности. Умом я понимала, что Самос, вероятно, был искренен в своем сочувствии: вряд ли у него имелся резон вредить случайной попутчице или личные счеты ко мне. Но подозрительность все равно заставляла ждать подвоха.

А с другой – в тишине и пустоте каюты стены вдруг начали давить и словно понемногу сближаться. Остро кольнуло чувство собственной ничтожности и ненужности.

Снова вспомнилось, что я болтаюсь над Бездной внутри огромной твари, совершенно беззащитной перед чудовищами глубин. Когда погонщиками работали змеи, владеющие магией воды, они обеспечивали безопасность и червя, и пассажиров, а сейчас оставалось рас-

считывать только на везение. И если случится катастрофа, обо мне никто не вспомнит и уж точно не станет грустить. Потому что нет ни родных, ни друзей, ни цели в жизни – одни лишь кошмары и грязное прошлое.

Но эту минутную слабость и пораженческие мысли я быстро преодолела. Напомнила себе о слове короля и потерянном сыне, о школе и детях, которым нужна помощь, и решительно вернулась к документам.

За ужином Самос опять попытался всучить мне зелье.

– Пойми, наказывая себя, ты никому не сделаешь лучше! – Алхимик тщетно взывал к моему благоразумию.

– Я не наказываю, – наконец ответила старику, все-таки бросив на него взгляд поверх стопки листов. – Глупо истязать себя, когда ты – единственное, что у тебя осталось, вам не кажется? Известные зелья мне не помогают, а экспериментировать с неизвестными... Я уже говорила, что не настолько вам доверяю.

– Не настолько – или вообще? – хихикнул он.

– Вообще.

– Такая красивая, а такая сердитая! – укорил алхимик. – Чем тебе слабый старик повредить может?

– Великий Змеелов тоже был слабым стариком, – усмехнулась я.

– М-да. Уела, – смущенно кашлянул попутчик.

На этом разговор снова оборвался, и остаток вечера прошел в тишине. На удивление спокойной и даже уютной. Непривычное ощущение.

Кажется, я слишком отвыкла от обычного человеческого общения. Когда некто просто находится рядом – случайно, потому что так получилось, – и ему от тебя совершенно ничего не нужно, как и тебе от него. Когда необязательно взвешивать каждое слово, следить за лицом и даже мыслями, когда попутчик – просто попутчик, а не возможный собрат по ордену с очередной проверкой лояльности.

Создатель! Интересно, я когда-нибудь сумею опять стать нормальным человеком? Или уже поздно?

К счастью, вторая ночь в каюте прошла спокойнее. Сосед опять громко храпел, опять пришлось накладывать полог, но на этот раз обошлось без кошмаров и пробуждения в холодном поту. Если мне что-то и снилось, наутро я этого не помнила и чувствовала себя отдохнувшей, неожиданно умиротворенной и готовой к встрече с будущим. Даже настроение еще немного улучшилось.

Вроде бы за время дороги ничего не изменилось и не произошло, но та Норика, что готовилась сойти в Столбах, была уже немного не той Норикой, что покинула Релку. Знакомое, но неизменно чарующее явление: необъяснимая магия путешествия на черве, которая не срывается при верховой поездке или тем более перемещении порталом. Что-то необратимо меняется внутри в такие моменты, когда ты полностью изолирован от привычных вещей и понятий, когда ты еще не «там», но уже не «здесь», подвешен во времени и пространстве и как будто не существуешь для Мира.

И дело, конечно, не в самом черве, это ведь обычное животное. Скорее, Изначальный Океан, окружающий со всех сторон, вынимает из души беспокойство, страхи и прочий мусор, омывает и врачует раны своими целительными водами, освобождает место для чего-то нового, свежего. Считается, что собственной магии он не имеет, но, скорее всего, мы просто не способны ее осознать – слишком малы и ничтожны в сравнении с Бездной.

Транспортные черви – весьма несимпатичные существа. Одно дело – понимать, что ты путешествуешь в брюхе какого-то огромного животного, не видя его, а совсем другое – пройти внутрь, взглянув на склизкую серо-розовую шкуру длинной слепой кольчатой твари. Поэтому перевозчики стараются сделать так, чтобы пассажиры поменьше видели. Пристань неизменно

являет собой отрезок огромной трубы, вмурованной в стену, которая отделяет техническую часть порта от общественной. Червь обхватывает огромной беззубой пастью этот отнорок, и люди без суеты выходят по широкому, удобному коридору, видя за спиной только декоративную загородку, за которой прячутся пандусы и длинные переходы для живности и работников.

Здесь же черви подплывали сразу со стороны Океана, не было нужды городить сложную сеть переходов. Вокзал прорубили прямо в скале на краю Тверди или даже воспользовались естественной пещерой.

Посадочная палуба была выложена веселеньким желтым и розовым камнем, образующим ненавязчивый геометрический узор. Отсюда вверх, к вокзалу, поднималась широкая лестница.

Пахло свежо и сыро, как после дождя на недавно скошенном лугу, – обычный запах моря. Все из-за водорослей, в изобилии растущих на затопленной поверхности Тверди. Вода у побережья из-за них отличается от обычной речной или той, что на глубине: имеет странный сладковатый привкус. С непривычки противно, а местным, наоборот, нравится. Говорят даже, она очень полезная.

Я шла медленно, вместе с соседом. У старика имелся небольшой, но весьма увесистый саквояж; не знаю, как он дотащил его до каюты, – сам или с чьей-то помощью, но сейчас вещи несла я. Так было даже удобнее – уравнивалось. Может, знакомство началось не очень-то приятно и желания продолжать общение со стариком у меня не было, но это не отменяло уважения и снисходительности к возрасту. Не бросать же его наедине с этой тяжестью, явно ведь сам не дотащит!

Наверное, начни я предлагать помощь, Самос отказался бы, но я не стала спрашивать, просто подхватила саквояж вместе со своим чемоданом и сообщила, что помогу донести до вокзала, а там можно и носильщика нанять. Алхимик семенил рядом, покашливая и поглядывая виновато, но благоразумно не спорил.

Распрощались мы в здании вокзала, и распрощались тепло. На площади я взяла открытый экипаж – погода оказалась чудесной, не чета столичной. Поместье Стрелолист в качестве пункта назначения вызвало у извозчика любопытство, но не более. Главное, он точно знал, куда ехать. Правда, перед этим я решила сделать остановку в порталном пункте, где на всякий случай взяла координатную привязку. Школа стоит далеко за городом; мало ли какие срочные надобности возникнут. А перемещаться можно только в то место, магический слепок которого помнишь. Специалисты-портальщики умеют хранить по сотне таких слепков, а моей нетренированной памяти хватает едва ли на десяток.

Дорога сначала вилась по городу – запутанному, вроде бы не менее тесному, чем Релка, но гораздо более обаятельному благодаря погоде. Здесь еще хватало зелени и цветов, а над головой в синем небе сияло солнце. Приятное впечатление оставляли и шумные, оживленные улицы, на которых не ощущалось никакой нервозности и настороженности, словно последние десятилетия обошли этот чудесный уголок стороной. Но в Столбах я прежде не бывала и не могла уверенно судить, всегда ли они остаются такими жизнерадостными.

Вынырнув из города, дорога запетляла по берегу. Невысокие пологие горы кое-где обрывались живописными скалами, желтыми и розовыми на срезе, как камень в отделке вокзала. Да и дома в городе были явно сложены из того же материала. На холмах буйно зеленело что-то вечнозеленое – никогда не разбиралась в растениях.

А сбоку синел Океан. Покрытая мелкой рябью поверхность напоминала шкуру какого-то огромного зверя, который ежился от легкого ветерка и медленно ворочался во сне. Вдали, у самого горизонта, через голубую дымку угадывалось что-то темное, ровное. Кажется, сейчас был один из тех редких дней, когда воздух чист и прозрачен до такой степени, что взгляд может различить тело Долгой Змеи.

Океан выглядел умиротворенным. Сонным. Задумчивым. Чем дольше я на него смотрела, тем внимательней смотрел он в ответ, заглядывая в самые глубины мыслей и памяти. И тем безмятежней, разглаженная его отстраненным вниманием, становилась душа.

Пожалуй, стоит еще раз, уже гораздо более искренно и осознанно, поблагодарить Орлена за эту ссылку. Даже если мое состояние заботило его в последнюю очередь, королевская воля отправила меня туда, где мне точно было лучше, чем в столице. Пока. Загадывать на более отдаленное будущее я избегала, но уже смотрела в него не просто спокойно, а даже как будто с осторожным оптимизмом.

Жизнь не закончилась. Больше того, это даже не ее середина. Мне всего сорок три, я здорова и сильна, у меня есть голова на плечах и магия в крови. А это уже куда больше, чем у огромного количества людей, и эти люди тоже живут, даже бывают счастливы. Так почему мне не найти свое место здесь, у побережья?

Пусть не счастье, пусть временно, но покой я уже обрела. Я не могла вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя так легко и невозмутимо. И это дорогого стоило.

Поместье Стрелолоист вольготно раскинулось на склоне холма в живописной бирюзовой бухте. В стороне от него пестрел крышами крошечный городок или большая деревня. У многочисленных причалов виднелись весельные лодки и зияли заметные провалы: рыбаки еще не вернулись с промысла. Вверх от побережья тянулось, наброшенное на пологие склоны, лоскутное одеяло полей и садов – зеленое, золотое, красновато-коричневое на убранных и распаханых участках. Плодовые деревья, овощи, злаки, выше – уходящие за перегиб виноградники, словно причесанные редким гребнем.

На улице было малоллюдно, хотя ветер доносил то голоса, то смех, то задорную южную перебранку. Местные дети, наверное, занимались в школе, взрослые – хлопотали по хозяйству. Те немногие встречные, кто нам попадался, откладывали дела и глазели с интересом, порой приставляя ладони козырьками ко лбу, чтобы лучше разглядеть против солнца. Ни опасения, ни враждебности не ощущалось, и это показалось хорошим знаком. Не для меня, конечно, – для детей, которым предстоит тут учиться.

Территория поместья встретила тишиной, но совсем не гнетущей, уютной. Дорога стрелой пронзала старый фруктовый сад и в конце делала лихой вираж, чтобы подойти к парадной лестнице длинного здания, вытянутого вдоль бухты.

Когда мы подъехали ближе, оказалось, что поместье состоит из трех связанных между собой крыльев, за которыми, очевидно, помещались хозяйственные постройки.

Экипаж закономерно никто не встречал, о прибытии-то их не предупредили. Но пока я выгружалась и расплачивалась с извозчиком, из глубины парка вынырнул крепкий, приземистый мужчина с широченными плечами и длинными руками. Не вызвало сомнений, что незнакомец очень силен, это ощущалось в самой его фигуре, в каждом шаге.

– Норика Неро? – приблизившись, спросил мужчина. Когда я кивнула, продолжил, протянув лапу для рукопожатия: – Мрон Таврик, артефактор. Я тут по хозяйственной части. Пойдемте, покажу что и где.

– Спасибо, – с удовольствием приняла я помощь. Тон его поначалу показался враждебным, но вскоре стало понятно, что это видимость, просто странная манера разговора.

Под ручку чемодана у мужчины поместились только три пальца, а веса он и вовсе словно не чувствовал, так что отстаивать самостоятельность тут я не стала. Рвущийся с языка вопрос, как он с такими руками может быть артефактором, конечно, проглотила: слишком уж грубо, а ему вряд ли легко в этом ремесле.

– Кто-то уже прибыл?

– Только Фалин Вилор, человек. Сидит в кабинете, который по плану как учительскую определили, с делами знакомится.

Фамилия показалась смутно знакомой, но я так и не вспомнила, где ее слышала. Король вроде бы не называл... Но эту мысль я вскоре откинула, вспомнив пару курсантов, носивших ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.